

Елюй Хань мгновенно притих, совершенно растерявшись. На языке сунцев он говорил не так уж хорошо: для повседневного общения хватало, но стоит завязаться иносказательной словесной перепалке, как он переставал понимать скрытый смысл. Что имел в виду этот сунский чиновник? Принижал его или и правда выказывал готовность чуть ли не сапоги ему чистить?

Елюй Хань бросил взгляд на Елюй Циня, безмолвно спрашивая, как поступить дальше.

Елюй Цинь тяжело вздохнул. Он прекрасно знал, что третий принц наделен невероятной силой, но умом отнюдь не блистает. Изначально Император Ляо намеревался отправить послом в Сун мудрого и проницательного второго принца, однако мать Елюй Ханя, видимо, нашептала правителю на ухо нужные слова — и вот в путь отправили именно Елюй Ханя. Впрочем, ладно: заставлять Елюй Ханя состязаться в красноречии с сунскими чиновниками — все равно что отправить его подстрелить тигра, последнее даже проще.

Елюй Цинь посмотрел на Тан Шэня и холодно произнес:

— Посольство нашего Великого Ляо прибыло в Шэнцзин. Почему же мы не видим сунских сановников, встретивших нас должным образом?

Один из сунских чиновников возразил:

— Господин Елюй, вы ошибаетесь. Разве мы не пришли сегодня?

Стоявший за спиной Елюй Циня ляоский чиновник бросил:

— Здесь находится третий принц нашего Великого Ляо! И вы, жалкие, никчемные чинуши, смеее говорить о приеме?

Едва эти слова прозвучали, как Тан Шэнь внезапно переспросил:

— Жалкие и никчемные?

Ляоский чиновник опешил: он не понимал, почему Тан Шэнь прицепился именно к этому выражению. Подумав немного, он ответил:

— Сыны нашего Великого Ляо — воины степей, привыкшие скакать на конях и охотиться. Куда с ними сравниться чиновникам вашей Великой Сун? Разве вы — не никчемны и слабы?

Тан Шэнь усмехнулся:

— Вот оно что. Выходит, говоря о «никчемности», почтенный господин имел в виду не принижение чиновников нашей Великой Сун, а лишь то, что в верховой езде и стрельбе из лука наша Великая Сун уступает Государству Ляо?

Ляоскому чиновнику очень хотелось заявить: «Я как раз и имел в виду, что вы все в вашей Великой Сун беспросветно никчемны!» Однако открыто сказать такое он не мог, поэтому лишь буркнул:

— Именно.

Елюй Цинь нахмурился, почувствовав подвох.

Тан Шэнь слегка повысил голос и отступил в сторону, открывая взору высокую фигуру:

— Кто сказал, что чиновники Сун слабы и никчемны? Подумаешь, верховая езда да охота! Любой рядовой чиновник шестого ранга нашей Великой Сун способен одним ударом клинка сразить свирепого тигра и голыми руками одолеть голодного волка! Господин Ли, ведь я прав?

Ли Цзиндэ про себя подумал: «Сразить тигра? Голыми руками одолеть волка? Ну ты и мастак за меня прихвастнуть!»

Впрочем, хвастовство было недалеко от правды.

Не ожидая, что Тан Шэнь окажется человеком проницательным, Ли Цзиндэ проникся к нему симпатией. С полной уверенностью Генерал Ли произнес:

— Разумеется, правда!

В древние времена, до появления огнестрельного оружия, свирепые тигры и волки были настоящим стихийным бедствием. Физические возможности человека несопоставимы с дикими зверями: один удар тигриной лапы обладает мощностью в тонну, а скорость реакции хищника в три-четыре раза превосходит человеческую. Истории о том, как смертные побеждают тигров, в основном встречались в фантастических романах и преданиях — на деле же подобное было практически невозможно.

И все же Тан Шэнь заговорил об этом, а Ли Цзиндэ без колебаний подтвердил его слова. Третий принц Елюй Хань расхохотался, совершенно не приняв их речи всерьез:

— Все вы, сунцы, любите так хвастаться? Даже лучшие витязи нашего Великого Ляо не дерзнут сойтись в схватке со свирепым тигром. Вы, сунцы, сильны лишь языком! Я, принц, презираю вас!

Тан Шэнь только собрался ответить, но Ли Цзиндэ, уже поняв его замысел, шагнул вперед:

— Это просто среди вас, ляосцев, нет настоящих богатырей!

Елюй Хань гневно свел брови:

— Ничтожный сунский чинуша, ты еще смеешь дерзить?!

Стоявший рядом Елюй Цинь из Ведомства Ханьэр недовольно нахмурился.

Однако Елюй Хань уже взмахнул рукой, приказывая своему самому умелому телохранителю проучить Ли Цзиндэ:

— Чжигулу, поди преподай урок этому заносчивому сунцу!

— Слушаюсь!

Едва прозвучал ответ, как из-за спины Елюй Ханя выскочил коренастый ляоский верзила и вразвалку направился к Ли Цзиндэ.

На губах Ли Цзиндэ появилась довольная ухмылка:

— Заждался тебя.

Соперники переглянулись и одновременно издали боевой клич. Ляоский стражник мощно оттолкнулся ногами от земли, отчего та содрогнулась, и вытянул руки, вцепившись в пояс Ли

Цзиндэ.

Схватив Ли Цзиндэ за пояс, Чжигулу затаил дыхание и попытался рывком поднять его вверх. Но сколько бы сил он ни прилагал, тот не шелохнулся — его ноги, словно корни вековой сосны, вросли в землю.

«Дело плохо! — ёкнуло сердце у Чжигулу. — Да он ведь бывалый боец!»

Ли Цзиндэ залиvisto расхохотался:

— Теперь моя очередь!

Ли Цзиндэ не стал прибегать к сунским приемам боя, а поступил так же, как Чжигулу — вцепился обеими руками в его пояс. Вытаращив глаза, Ли Цзиндэ издал грозный рык. Мускулы на его рельефных руках и пояснице мгновенно натянулись, и он с легкостью, одним мощным рывком поднял Чжигулу над головой.

Чжигулу выкрикнул ругательство на языке Ляо. Тан Шэнь ничего не понял, но Ли Цзиндэ, часто сражавшийся с Армией Ляо, прекрасно разобрал слова. Лицо Ли Цзиндэ изменилось, и он со всей силы швырнул Чжигулу на землю. Тот мигом вскочил и выбросил кулак в его сторону. Ли Цзиндэ уклонился и сделал подсечку правой ногой. Завязалась яростная потасовка.

Во дворе постоянного двора они сошлись в нешуточной схватке.

Ли Цзиндэ нанес сокрушительный удар кулаком прямо в живот Чжигулу. Тот отлетел на несколько шагов назад и рухнул на землю. В горле у него встал соленый ком, и он плюнул кровью. Увидев это, третий принц Елюй Хань пришел в неистовое бешенство. Он вскочил с места, обрушив на Чжигулу на языке Ляо поток бранных слов, обозвав его бесполезным никчемышем, и уже собрался послать в бой других слуг.

Елюй Цинь тут же заговорил с ним на языке Ляо:

— Ваше высочество, не стоит попусту гневаться на этих сунских чиновников. Этот чиновник шестого ранга с первого взгляда не похож на гражданского — он явно военный. Мы прибыли в Сун как послы и не брали с собой настоящих военачальников нашего Ляо.

Елюй Хань буркнул:

— И что, если он избил моего человека, так и спустить ему это с рук?!

Елюй Цинь убеждал:

— Ваше высочество, не поддавайтесь на хитрости сунцев. Наша цель — аудиенция у Императора Сун, а не потасовки с мелкими чинушами.

Глаза Елюй Ханя все еще были налиты кровью от ярости. Он увидел, как Ли Цзиндэ стоит посреди двора и вызывающе задирает подбородок. В груди принца вспыхнул всепоглощающий пожар гнева.

— Господин Елюй Цинь говорит, что мы прибыли в Сун как послы и не взяли с собой настоящих витязей Ляо, но тут вы ошибаетесь! — воскликнул Елюй Хань. — Ведь именно я — первый богатырь этих земель, сам Генерал Каменный Лук, дарованный этим именем моим

августейшим родителем!

Елюй Цинь мысленно проклял его: «И откуда только взялся подобный болван?!»

Однако вслух возразил:

— Ваше высочество, кто вы по статусу! Если вы сойдетесь в поединке с этим сунским чиновником, заслужил ли он такую честь?

Елюй Хань отмахнулся:

— Хватит разговаривать!

Разве мог Елюй Цинь позволить ему драться с Ли Цзиндэ? Он уже собирался вновь остановить его, как вдруг из заднего двора вышел бородатый ляоский чиновник. Заметив Елюй Циня, бородач презрительно фыркнул, косо посмотрел на него и даже не удостоил давним взглядом.

С появлением этого бородача атмосфера на постоялом дворе мгновенно изменилась.

Послы Государства Ляо еще больше задрали носы. Хотя только что их телохранитель потерпел разгромное поражение от Ли Цзиндэ и они едва не сгорели от стыда, при виде бородатого сановника к ним вновь вернулась спесь.

Бородатый ляоский чиновник подошел к Елюй Ханю и произнес на языке Ляо:

— Ваше высочество, Елюй Цинь прав. Что из себя представляют эти сунцы, чтобы вы снисходили до состязания с ними?

— Но... — замялся Елюй Хань.

— Ваше высочество.

Елюй Хань стиснул зубы:

— Поступим так, как велит господин Тайбао.

Договорившись между собой, ляоские послы смолкли, а бородатый сановник повернулся и устремил взор на Ли Цзиндэ. Его взгляд долго задержался на фигуре воина, а затем переместился на Тан Шэня:

— Так ты и есть тот сунский чиновник, которому поручено встречать нас?

Тан Шэнь внутренне насторожился. Шагнув вперед, он вежливо поклонился:

— Подчиненный Тан Шэнь приветствует вас. Могу ли я спросить, вы — господин Елюй Инь, принц-тайбао?

Елюй Инь лишь фыркнул, давая понять, что это действительно он.

Тан Шэнь продолжал:

— Посланники Государства Ляо только прибыли в нашу Великую Сун, и мне, разумеется, надлежит оказать вам должный прием. Вы прибыли лишь вчера и сегодня все еще разбираете вещи после утомительного пути, поэтому не стану более вас беспокоить. Сегодня я пришел

лишь засвидетельствовать свое уважение, а завтра с удовольствием сопровожу вас на прогулке по городу Шэнцзин, чтобы показать красоту нашей Великой Сун.

Елюй Инь оскалился в усмешке:

— Чтобы посмотреть на эти красоты, у нас впереди еще полно времени.

Услышав это, многие еще не поняли скрытого смысла, однако Тан Шэнь изменился в лице. На этот раз мрачнее тучи стал даже Ли Цзиндэ. И немудрено: скажи Елюй Инь что-либо иное, Ли Цзиндэ мог бы и не уловить сути, но эти слова он неоднократно слышал от ляосцев на полях сражений Северо-Запада:

«Когда железная конница нашего Ляо сомнет земли Сун и подступит к Шэнцзину, мы вдоволь налюбujemyся всеми красотами ваших земель!»

Ляосцы дерзнули считать город Шэнцзин собственным задним двором — это было неслыханной дерзостью!

<http://bllate.org/book/18292/1754626>